

Само название сборника задаёт вселенский масштаб и планетарное значение озера Байкал, о котором Владимир Скиф пишет всю свою сознательную жизнь, живя на берегу этого красивейшего озера на планете.

Мы помним песню о «славном море — священном Байкале», и кто-то отправляется к нему, как я когда-то, в 1981 году, села в поезд, чтобы прибыть к его чистейшим водам, чтобы посидеть на его древнем берегу, который давно в моей

душе «отыскал место», и смотреть мечтательно на саранки и цветы багульника, пробовать мягкого, нежного омуля, пройти на катере вдоль скалистого берега или пешком, постоять под шагающими деревьями среди песков, взять в пригоршню прозрачную и прохладную воду, а потом набраться смелости и нырнуть в бодрящие волны, вливаясь в них, как Ангара, ощущая родство, и выныривая, как байкальская чайка, а ночью, лёжа в палатке, слушать плеск звёзд в его глубинах. Стихи Владимира Скифа возвращают к воспоминаниям, когда, как пишет поэт:

*И страждущим, веющим оком
Искал я таких же, как я.*

Боже праведный, как же мне знакомы эти поиски... Как же мне, так долго живущей на берегу Балтийского моря, понятно то состояние, когда «приглашали во двор облака», когда «занимался рассвет между звёзд и былинок», когда из утренней росы черпали «мелодии слов». И вот «Байкала синего магнит» родственно притянул к себе:

*И развернулся, расточил Байкал
Свои немислимые воды.
В нём столько глуби, донных скал,
И столько ветреной свободы.*

Мне так понятно, что «батюшка-Байкал повадился к крыльцу», я также, едва просыпаясь, уже слышала зов моря в трёх сотнях шагов от дома, воспринимая его как дар небес.

*Пройдёмся берегом Байкала,
Как будто берегом добра, —*

это море стихов Владимира Скифа об уникальном озере — тоже уникально, где Байкал — это духовная биография поэта, эстетический каркас его поэзии, где природа задаёт художественно-речевую интонацию его поэтического повествования, которое день за днем рождалось из впечатлений мгновенных, но становящихся частичкою вечности. Байкальское лето и зимы, ветхость деревушек, с «отмякшей душой от летних дождей», «слитков солнца», «золотых вод», — это всё наполнение души, в которой в то же время поселилась печаль за будущее озера, за чистоту воды:

*И шумит не Байкал, а печаль.
Боже правый, за что так гонима
Мать-природа, её чистота?
Неужели она не любима?*

Ещё как любима защитниками озера, положившими жизнь на спасение его вод от вмешательства злого человека. Какие ангелы-хранители у Байкала! Валентин Распутин, Александр Вампилов, Леонид Бородин, Глеб Пакулов, Василий Забелло, Владимир Скиф, Анатолий Байбородин...

Радостно встретиться с Валентином Распутиным в стихах Владимира:

Кажется, что наступил обычный день, но у Байкала «тянутся ладони: осыпать мир холодным хрусталем». И в весенний день «в тугую грядку» Валентин Распутин «бросает золотые семена» — семена вдохновенных слов в лицо тех, кто искажает лицо первозданной земли:

*Гляжу на Байкал и страдаю безмерно
И думаю: Господи, где же ты есть?
Господь не ответит, тогда я, наверно,
Убийцам Байкала придумаю месть.*

О спасении Байкала, о спасении мёртвых уже посёлков на Ангаре, о мёртвой воде, наполнившей овраги, где гибнет последний таймень, умирает последний налим:

*Как надгробье плотина встаёт,
И, зажата, стонет вода.
То не Братское море поёт,
А гудит мировая беда.*

Молчун по жизни, Распутин не молчал, а боролся за спасение Байкала, спасение природы Сибири, спасение Русского дома:

*Он сердцем собственным латает
Пробитую в России брешь.
Куда держава улетает
И с нею тысяча надежд?*

*Его над бездною пронесит
Несчастий самых горьких вал,
Но он не мог Отчизну бросить,
Оставить без любви Байкал.*

Русский национальный прозаик Валентин Распутин и поэт национального православного чувства Владимир Скиф с высокой степенью страстности выразили свою нравственную определенность в защите Байкала, Отечества, его настоящего и будущего. А звучащий глагол Александра Вампилова... Скиф говорит о нём:

*Ума вековое наследство
Ты принял и тайну постиг...
.....
...Как верно, как больно, как точно
Увидел ты жизнь и любовь.
Не зря в тебе с кровью восточной
Слилась святорусская кровь.*

Внутренняя суть творчества великого драматурга, соборно собиравшего читателей и зрителей против тех, кто совмещал клевету с бесстыдством.

У могилы Вампилова

*Мы разные. Мы все шальные.
Мы гордые аж нету сил.
А здесь мы встали, как родные,
Вампилов нас объединил.*

*Мы изменяемся с годами,
Но каждый душу сохранил,
Мы все пришли к нему с цветами.
Вампилов нас соединил.*

Уникальность душевного проявления, твердость в полноте духа, внятное разделение добра и зла Вампилова остались нам небесным даром:

*Нынче бредит театр извращённой потехой,
Исчезает — тревогу хранящая — мысль.
Но Вампилов сияет не сбитою вехой,
Где высокие русские смыслы сошлись.*

И Владимир Скиф сам выходит на высокие русские смыслы, называя Байкал «Планеты совестливым глазом», «На планете байкальская зреет слеза» — боли за обозначившийся край жизни на земле по вине человека:

*Смотри, горят сибирские леса
Предвестником вселенского пожара.*

Он ведёт разговор с грядущим поколением о том, что «Человек — венец вселенной — Погиб, не думая о нас»:

*О тех, кто заново рождается,
Кого убил двадцатый век,
В небытие, в ничто стремится
Последний мёртвый человек.*

*И кажется бессмысленной, пустой,
Попытка отравителей Байкала
Запас воды божественной, святой
Пустить в расход, чтоб смерть её лакала.*

*Поверьте, злодеянья не простим.
Подумайте и силы соразмерьте.
Мы все равно вам ходу не дадим
При нашей жизни и при нашей смерти.*

В космос байкальской глубины в сборнике Владимира Скифа входят писатели и художники, удивительная природа, создающая в мыслях и в душах гармоничные образы, как «застывшие вспышки», высвечивая сочетание красок, присущих небу и земле, его по-детски нежное прикосновение к былинкам, его дочь в венке из живых лилий и медуниц, где «затаилось пенье птиц» и треск кузнечика, где «чабрец пахнет вечностью», излечивая от необъяснимой тоски.

*Не умри! Не исчезни в болотном тумане.
Не сомкни над собою свои берега.
Мы любить и жалеть тебя не перестанем,
И когда-нибудь мы одолеем врага!*

Поэт поведал о себе, своих детях, спутнице жизни — жене Евгении, брате Анатолии и сестре Валентине, своих друзьях, любящих и неразрывно душою связанных с Байкалом. В стихотворении «Звёздная ночь и утро на Байкале» озеро воспринимается как центр мироздания, как центр творения мира:

*И о́жили ветки и былинки,
Засверкали зёрнышки росы
На траве, на камне, на суглинке,
Словно в Сотворения часы.*

*Просыпался, сотворялся житель
И молился на Господний кров.
В этот миг Великий Вседержитель
Шествовал по кромочке миров.*

А он ведь источник жизни, красоты, счастья, меры. Небесный распорядок становится частью нашего душевного распорядка в стремлении к осмысленности, добру, высшему началу.